

А. Ранович

ЗАВИСИМЫЕ КРЕСТЬЯНЕ В ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ МАЛОЙ АЗИИ

В буржуазной историографии стало общим местом рассматривать древневосточные общества, поскольку вообще им дается общая социально-политическая характеристика, как феодальные. Это объясняется тем, что буржуазные историки не видят основного факта—того, что общество есть совокупность производственных отношений; они поэтому не ищут ведущих форм этих отношений, не исследуют линии их исторического развития. Рассматривая типы общества лишь со стороны отдельных внешних признаков, без анализа их социально-экономической основы, они усматривают феодализм на древнем Востоке, капитализм в античности. Наиболее глубокий буржуазный социолог Макс Вебер находит в древности семь типов, или стадий, общества и государства, в которых причудливым образом сочетаются различные государственные формы и виды земельной собственности, первобытная община, феодализм, рабовладение, капитализм. Это многообразие типов у М. Вебера—не результат конкретно-исторического исследования и последующего обобщения фактов, освещаемых стройной научной материалистической теорией; оно получается как следствие применения фактов к вечным, неизменным категориям, «идеально-типическим понятиям», как он их называет; «... ясные, «идеально-типические» понятия должны быть правильно применяемы, не как схемы для преодоления исторически данного, но для того, чтобы с их помощью определить экономический характер явления, поскольку оно приближается к тому или иному «идеальному типу»¹. Буржуазные историки большей частью не дают себе труда произвести даже такой анализ фактов применительно к тому или иному «идеальному типу», как это делает Вебер; они либо дают обществу то или иное определение по нескольким разрозненным фактам, либо вовсе отказываются от каких-либо обобщений, довольствуясь простым описанием отдельных групп явлений социально-экономической жизни—труд, ремесло, торговля, сельское хозяйство, финансы, семья, право и т. д.—и не пытаются установить какие-либо исторические связи и закономерности.

¹ М. Вебер, Аграрная история древнего мира, М., 1913, стр. 393.

К сожалению, этот ненаучный подход к определению социально-экономической основы общественных явлений в результате некритического восприятия взглядов буржуазных ученых проникает и к нам. Еще не перевелись у нас, хотя они и не выступают открыто, сторонники определения древневосточных обществ как феодальных; феодализм усматривают в аршакидской Парфии и в древней Армении. Проф. С. Юшков¹ говорит о дофеодальных государствах, которые «возникают в результате разложения первобытно-общинного строя» (стр. 45—46); но ведь всякое государство возникает в результате разложения первобытно-общинного строя, и, приняв построение проф. С. Юшкова, пришлось бы признать все общества, существовавшие до феодализма (например, древний Рим), дофеодальными. Проф. С. Юшков поэтому считает более удобным применять вместо термина «дофеодальное государство» термин «варварское государство». Но существо дела от этого не меняется.

Проф. С. Юшков представляет дело так, что в результате разложения соседской общины, появления патриархального рабства, развития ремесла и торговли возникает дофеодальное общество, превращающееся затем в феодальное. Для Греции и Рима автор, повидимому, делает исключение, хотя прямо об этом не говорит и, главное, не поясняет, почему в античности сложилось не дофеодальное, а рабовладельческое общество, какие особые исторические условия привели к тому, что от одного и того же исходного пункта пошли разные линии развития, приведшие к различным результатам. Мало того, автор применяет без оговорок рисуемые Энгельсом общие контуры образования государства в Афинах и в Риме для объяснения возникновения именно дофеодального государства (стр. 62). Что касается древнего Востока, где долгое время сохраняются сельская община, домашнее рабство и «ведомство ограбления собственного народа» (Маркс), то здесь, очевидно, по концепции проф. С. Юшкова, господствует дофеодальный строй, развивающийся в сторону феодализма.

Все это говорит о том, что предстоит еще не малая работа по исследованию конкретных форм, предшествующих капиталистическому производству, по анализу и теоретическому осмыслению основных, ведущих производственных отношений, определяющих строй древнего общества.

Представление о феодализме и крепостничестве на древнем Востоке вносит путаницу в характеристику эллинистических монархий, которые получили наследство древневосточных деспотий. В статье «Колонат», приложенной к книге Макса Вебера, М. Ростовцев, характеризуя положение «царских земледельцев» Птолемеевского Египта, отмечает: «Мы имеем, таким образом, дело с отношениями, которые довольно близко стоят к крепостничеству (*Leibeigenschaft*)», а в царских монополиях *ὑποτέλεις* тракуются как настоящие крепостные». Но в эллинистическом Египте все это, по М. Ростовцеву, — наследие времени фараонов; при Птолемах обе категории зависимого населения «поставлены в непосредственную зависимость от государства и освобождены от зависимости от храмов и от их настоятелей и от частных феодальных владельцев»². Более решительно о феодальных отношениях и крепостничестве М. Ростовцев говорит в отношении эллинистической Малой Азии. В своей выдающейся монографии «*Studien zur Geschichte des römischen Kolonats*» М. Ростовцев, на основании анализа крайне скудного материала, заключает, что в Малой Азии ископное население, непосредственно подчиненное царям и платившее им непосредственно подать, особенно тесно срослось с царством; «ибо то были

¹ Проф. С. Юшков, К вопросу о дофеодальном («варварском») государстве. «Вопросы истории», 1946, № 7, стр. 45 сл.

² М. Вебер, ук. соч., стр. 412.

не только подданные, но и крепостные, работающие не на своей, а на царской земле»¹.

Этот феодальный строй, пишет он дальше, устарел уже при персах, а после Александра сохранился только в самых отсталых районах (стр. 309). В статье «Колонат» М. Ростовцев указывает, что *χωρά βασιλική* возделывается крепостным населением (*λαοὶ βασιλικοί*). При Селевкидах последние постепенно освобождаются. «Это превращение крепостных (*Leibeigenen*) в государственных и городских крестьян характеризует, таким образом, политику эллинистических властителей в отношении к *λαοὶ βασιλικοί*, но, тем не менее, многие феодальные владения (*Lehnhergschaften*), как и храмовые территории, остаются до римской эпохи при своем старом устройстве»².

В своем последнем труде об эллинизме М. Ростовцев делит земельные владения в М. Азии на три группы: 1) храмовые территории, 2) крупные домены с крепостными, 3) туземные селения, непосредственно подчиненные царю. При этом, однако, он отмечает, что в Сирии, Месопотамии, Вавилонии в римское время нет следов крепостничества, откуда можно заключить, что их не было и при селевкидах; нет также следов крупных поместий с крепостными крестьянами»³.

М. Ростовцев, таким образом, признавая без колебаний феодализм на древнем Востоке, осторожен в своих суждениях о феодальных отношениях в эллинистической Азии. Более решительно об этом высказывается М. Вебер, говоря о «крупных феодальных поместьях», «доменах», хотя и считает, что «формальное, установленное правовыми нормами прикрепление к земле сидящих на частных феодальных поместьях (*Grundherrschaften*) колоннов не может быть доказано, да и не представляется вероятным»⁴.

Мысли и факты, сообщаемые М. Ростовцевым в его *Studien zur Geschichte des römischen Kolonats*, буржуазные историки безоговорочно принимают как непреложные истины, не подвергая анализу использованных М. Ростовцевым источников и не дополняя их новыми материалами. Поэтому необходимо поставить вопрос о его источниках.

В отношении феодального политического строя эллинистической и доэллинистической Малой Азии М. Ростовцев ссылается на сообщение Плутарха в биографии Эвмена (гл. 8): «Он обещал солдатам выдать жалованье через три дня и стал продавать им встречавшиеся в стране виллы и замки (*ἐπαύλεις καὶ τετραपुरγίαις*), где было много рабов и стад рогатого скота. Купивший их начальник македонского отряда или наемников получал от Эвмена орудия и машины и приступал к осаде». Переводя и толкуя *ἐπαύλεις* как «феодальные замки», М. Ростовцев и его последователи делают отсюда вывод о феодальном политическом строе во Фригии в IV в., не замечая, что они совершают ошибку *petitio principii*. В самом деле, нет никаких оснований для толкования слова *ἐπαύλεις*, как «феодальные замки». В действительности смысл данного слова совершенно иной. Фригия еще в римское время, особенно ее внутренние и горные области, оставалась страной варваров. Для характеристики грубости Марсия Апулей (*Flor.* III,) называет его *Phryx cetera et barbarus*. Христианский апологет Юстин также приводит фригийцев как типично варварское племя (*dial. с. Тгурп.*, 99). А в IV в. до н. э. фригийцы в глубинных районах были еще действительно варварами; *ἐπαύλεις* и *τετραपुरγίαις* скорее всего характерны для варварских поселений, которые Энгельс описывает следующим обра-

¹ R o s t o w t z e w, *Studien zur Geschichte des römischen Kolonats*, 1910, стр. 308.

² М. Вебер, ук. соч., стр. 415—416.

³ М. R o s t o v z e f f, *The Social and Economic History of the Hellenistic World*, I, 1941, стр. 502 сл.

⁴ М. Вебер, ук. соч., стр. 233.

зом: «Город, окружающий своими каменными стенами, башнями и зубцами каменные или кирпичные дома, сделался средоточием племени или союза племен»¹. Судя по тому, что в этих *ἑπαύλεις* было «много рабов и скота», здесь произошло первое крупное разделение труда, в результате которого появились богатые каменные или кирпичные дома.

Точно так же С. В. Welles без всяких оснований переводит встречающееся в надписях, относящихся к Лаодике (см. ниже), слово *βαῖς* феодальным термином *manor-house*. Происхождение слова *βαῖς* неясно; оно встречается в греческом языке в значении «богатый, роскошный дом, дворец». В Септуагинте словом *βαῖς* переводится древнееврейское *ḡmwn* (II Хрон., 36, 19), *hjk1* [Ис., 44 (45), 9] — «дворец»; роскошный дом, который построил себе богатый откушник Гиркан, Иосиф Флавий называет *βαῖς* (*Ant. Jud.*, XII, 4, 11).

Вот и весь материал о «феодалах» и «феодализме» в эллинистической Малой Азии: одно упоминание *ἑπαύλεις* у Плутарха, писавшего через четверста с лишком лет после описываемого времени. Конечно, ни о феодальной иерархии, ни о политической организации феодалов как класса абсолютно никаких материалов нет, да и быть не может.

Что касается аграрных отношений, то здесь сторонники феодализма на Востоке не ставят самого коренного вопроса — о характере земельной собственности; между тем без решения этого вопроса всякие рассуждения о феодализме остаются беспочвенными.

Крестьяне на древнем Востоке не были свободными владельцами земли. Однако характер зависимости крестьян, непосредственных производителей на земле, должен быть установлен совершенно точно, прежде чем делать какие-либо выводы о характере общественного строя. Древность — не только восточная, но и античная — знает различные формы зависимости земледельца. Факт существования в классической Греции зависимых крестьян² никому не дал еще повода усматривать здесь феодализм, — эта зависимость была либо модификацией рабства (илоты) и возникла в результате завоевания [таковы, например, мариандины в Вифинии, о которых сообщает Страбон (XII, 3,4), ласкутанцы, поработанные жителями города Гасты в Испании, согласно надписи Эмилия Павла, недавно вновь исследованной А. В. Мишулиным], либо в результате обнищания свободных земледельцев, попадавших в долговую зависимость от кредиторов (*obaerati*, о которых пишет Варрон в частности для Азии).

Иначе обстоит дело на Востоке, где масса крестьянского населения испокон века была связана, с одной стороны, отношениями к общине, с другой стороны — подчиненным положением по отношению к верховному собственнику земли — царю или богу (т. е. храму и его жрецам). Еще и в эллинистическую эпоху сохранялось «некоторое нерасчлененное единство города и деревни» (Маркс); подавляющее большинство крестьян, «царские земледельцы», жило в *κῆμαι*, сохранивших более или менее ясно выраженные остатки общинной организации. Они меньше других слоев населения воспринимали культуру греческих завоевателей, которые называют их поэтому *ἔθνη*. Некогда высшее единство общины воплощалось в царе или в боге, и обязательства общинников перед царем или храмом совпадали — в идее — с интересами самой общины. Со временем взносы натурой на общие нужды и участие в общественных работах превратились в обязательную дань верховному собственнику земли и в обязательную работу «на дом царя». Принадлежность к общине, дававшей каждому своему члену

¹ Энгельс, Происхождение семьи... (Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XVI ч. II, стр. 138).

² Относящийся сюда материал собран К. Neumann'ом в *NZ*, LX (1906), стр. 27 сл.

право владения землей и правовую защиту, также изменила свою сущность по мере разложения общины и превратилась в связанность земледельца, в его прикрепление к *ἰδίᾳ*, которое гарантировало государству выполнение крестьянами своих повинностей.

Эта зависимость была, очевидно, не феодальной. Крестьяне владели землей по праву своей принадлежности к общине, от которой некогда получил право верховной собственности на землю и сам царь. Совершенно очевидно также, что феодальной земельной собственности древний Восток не знал. В эллинистический период впервые появляется здесь а н т и ч н а я форма земельной собственности благодаря приписке бывшей царской земли к греческим полисам—старым и вновь возникавшим.

Все эти обстоятельства хорошо засвидетельствованы документами. Уже Александр Македонский в приенской надписи (OGIS, 1) различает между землей, принадлежащей городу, и *χώρᾳ βασιλική*. О последней он говорит: *καὶ π[ρὸς] τῇ πέριξ] χώρᾳ [ὑ] γ[ι]νωσκῶ ἐμῆν εἶναι, τοὺς δὲ κατοικοῦντας ἐν ταῖς κώμαις ταύταις φέρειν τοὺς φόρους*. Здесь дана формулировка понимания греком восточной земельной собственности. Земля принадлежит царю, и жители сельских поселений платят поэтому подать. Только земли, приписанные к полисам, получают обычный статус земель полиса. Весь относящийся сюда материал хорошо известен и широко использован прежде всего М. Ростовцевым и его учениками. Что касается «феодализма» и «крепостничества» на древнем Востоке, сохранившихся якобы в эллинистической Малой Азии, то эти утверждения основываются на двух-трех документах, а рассмотрению коих и следует обратиться.

В 253 г. Антиох II, разведшись с Лаодикой, чтобы вступить в брак с дочерью Птолемея Филадельфа Береникой, решил, повидимому, компенсировать разведенную жену, продав ей (может быть, фиктивно) по дешевой цене крупное земельное владение. Подробное сообщение об этом акте сохранилось в надписи Антиоха, обращенной к стратегу (?) Метрофану¹. Текст гласит (стр. 1—19):

Βασιλεὺς Ἀντίοχος Μητροφάνει γαίρειν. πεπ[ρ]άξμεν Λαοδίχη Πάννου κώμην καὶ τὴν βῆλιν καὶ τὴν προσούσαν χώραν τῇ κώμῃ, ὅπως τῇ τε Ζελεϊτίδι χώρᾳ καὶ τῇ Κυζικηνῆι καὶ τῇ ὀδοῦ τῇ ἀργαίαι, ἣ τῆ μὲν ἐπάνω Πάννου κώμῃ σ[ο]ν[η]ρο[υ]μεθα[μένη] δὲ ὑπὸ τῶν γεωργούντων πλησίον ἔνεχεν τοῦ ὑπερμέσθαι τὸ χωρίον—τῆ μὲν Πάννου κώμῃ ὑπάρχουσαν συμβαίνει ὕστερον γεγενῆσθαι—καὶ εἴ τις <ε>ἰς τὴν γῶ[ρ]αν ταύτην ἐμ[πί]πτουσι τόποι καὶ τοὺς ὑπάρχοντας αὐτοῖς λαοῖς παλαιοῖς σὺν τοῖς ὑπάρχουσι πᾶσιν καὶ οὐν ταῖς [τοῦ ἐ]νάτω καὶ πέντηκστοῦ ἔτους προσόδοις ἀ[γ]ο[υ]ρίου τάλαντων τριάκοντα—ἐμῶς δὲ καὶ εἴ τις ἐ[κ] τῆς κώμης ταύτης ὄντες λαοὶ μεταηλύθησιν εἰς ἄλλοις τόποις—ἐφ' ᾧ οὐδὲν ἀποτελεῖ εἰς τὸ βασιλικὸν καὶ κοίτη ἐ[σ]ταὶ προσφερομένη πρὸς πόλιν ἢν ἂν βούληται. κατὰ ταῦτά δι[ε] καὶ οἱ παρ' αὐτῆς πλάμενοι ἢ λαβίντες αὐτοῖ τε ἔξουσιν κυρίως καὶ πρὸς πόλιν προσύουσιν ἢν ἂμ βούλω[ν]ται ἔμπε, μὴ Λαοδίχη τογχάνει πρότερον προσενηνεγμένη πρὸς πόλιν, οὕτω δὲ κεκτήσονται οἷ ἂν ἡ γῶρᾳ τῇ προσωρισμένη ὑπὸ Λαοδίχης.

«Царь Антиох Метрофану привет. Мы продали Лаодике Паннукоме, виллу [βῆλιν] и относящуюся к селению землю, граничащую с землей Зелеи и Кизика и со старой дорогой, которая проходила выше Паннукоме, но была распахана близкими земледельцами, чтобы отрезать этот участок для себя—нынешняя Паннукоме возникла позднее,—и местечки, какие окажутся на этой земле, и принадлежащих к ним лаοὶ со всеми их домами

¹ Последнее издание текста этой и двух других относящихся сюда надписей у С. В. Welles, «Royal correspondence in the Hellenistic Period», New Haven, 1934, № 18—20 стр. 89 сл.

и со всем принадлежащим им и с поступлениями пятьдесят девятого года¹ за тридцать талантов серебра—равно как λαοί, которые, будучи из этого селения, переселились в другие места—с тем, что она [Лаодика] не будет платить никаких налогов в царскую казну, и она будет вправе приписывать к полису, к какому пожелает; на тех же основаниях купившие или получившие у нее тоже будут владеть неограниченно и приишут к полису, к какому пожелают, если только Лаодика не успела раньше приписать к полису; в этом случае они будут владеть землей там, куда она присоединена Лаодикой». После указания о порядке расчета за полученную Лаодикой землю Антиох продолжает (стр. 24—28):

«Распорядись передать Арридею, управляющему Лаодики, селение, виллу, дом, относящуюся сюда землю и λαοί с их домами и всем принадлежащим им и зарегистрировать продажу в царском архиве в Сардах и на пяти каменных стелах». Стелы предписывается, далее, установить в храме Афины в Илионе, в храме на Самофраке, в святилищах Аполлона в Дидиме и Артемиды в Сардах и Эфесе, т. е. в наиболее чтимых храмах.

На той же стеле помещено распоряжение (Welles, № 19) Метрофана (адресованное, судя по Welles № 20, эконому Никомаху) об изготовлении указанных в царском письме пяти стел; здесь же сообщается, что библиофилаку Тимоксену дано распоряжение о регистрации продажи и границ проданной земли в царском архиве в Сардах.

Наконец, третья надпись (Welles, № 20), в которой первые три строки стерты (осталось только Πάνυ[ο] в стр. 2 и λαοί[ι] в стр. 3) сообщает, что передано «Арридею, управляющему Лаодики, гипархом... кратом селение и βῆμας и относящаяся сюда земля в соответствии с предписанием эконома Никомаха, к которому приложено письмо Метрофана и адресованное ему письмо царя». Далее следует подробное определение границ участка.

В приведенном документе крестьяне, работающие на царской земле, со всем своим имуществом продаются вместе с землей. Дополнением к этой надписи может служить другая надпись, еще не известная М. Ростовцеву, когда он писал свои «Studien zur Geschichte des römischen Kolonats», но использованная им в последнем труде об эллинизме. Эту чрезвычайно интересную во многих отношениях надпись, найденную в храме Артемиды в Сардах, издали в 1912 г. Баклер и Робинсон². В двух столбцах надписи сохранилось в общем 37 строк (приблизительно по 80 букв в строке). Хотя начало надписи отсутствует, однако содержание ее не вызывает сомнений. Мнесимах, приближенный диадоха Антигона, получил от него большое имение: повидимому, для приведения его в порядок он занял у храма Артемиды 1325 золотых статеров. Теперь храм требует возврата денег, но у Мнесимаха денег нет; поэтому он фиктивно продает (фактически закладывает) свое имение храму—так называемая πρᾶσις ἐπὶ λύσει («продажа с правом выкупа»). При этом Мнесимах подробно описывает свои владения, их стоимость и доходность:

«... Так как неопей (настоятели храма) требуют от меня данное под заклад золотого, принадлежащее Артемиде, а у меня неоткуда им отдать—так вот что есть в моем имении (οἶκος): нижеследующие селения (χωμαί), а именно: селение Тобалмуры на сардской равнине на холме Ил; к этому селению принадлежат и другие селения, а именно Танду и Комбдилишия, подать с этих селений (вносится) в хилярхию Питея пятьдесят золотых в год. Есть и клер в Кинарое вблизи Тобалмур, подать в год три золотых. Есть

¹ Эры Селевкидов—253 г. до н. э.

² W. H. Buckler and D. M. Robinson, Greek Inscriptions from Sardes I, AJA, XVI (1912), стр. 11—82; W. K. Prentice, The Mnesimachus Inscription at Sardes, ib., стр. 526 сл.

еще одно селение Периасасостры у вод Морста, подать в Хилиархию [Саг]ария в год пятьдесят семь золотых. Есть и клер у вод Морста и в Нарриое, подать в хилиархию Сагария, сына Кореида, три золотых и четыре золотых обола. Есть и еще селение в районе Аттуд, называемое Илу-Коме, подать в год три золотых и три золотых обола. И вот, от всех селений и клеров и относящихся к ним усадеб (οἰκοπέδων), от крестьян со всеми их домами с принадлежащим им (τῶν λαῶν παροικίων σὺν τοῖς ὑπάρχουσιν), от винных мехов, от подати денежной и трудовой (τοῦ φόρου τοῦ ἀργυρικοῦ καὶ τοῦ λητοουργικοῦ) и всего прочего, получаемого от селений, и еще много сверх того, когда произошел раздел, Питей и Адраст взяли в отдельную собственность виллу (ἀλλήν) в Тобалмурах; а за пределами виллы находятся дома крестьян (λαοί) и рабов и два сада на пятнадцать артаб посева¹, а в Периасасострах усадебные участки на три артабы посева и сады на три артабы посева и рабы, живущие в этом месте: в Тобалмурах—Эфес, сын Адраста, Кадой, сын Адраста, Гераклид, сын Белетра, Туий, сын Манея, сына Кайка; в Периасасострах проживают Кадой, сын Армананда, Адраст, сын Манея»...

Во втором столбце речь идет о гарантиях храму в том случае, если Мнесимах не обеспечит ему собственности на имение и поступления всех статей дохода, в частности: «если же мы не гарантируем или нарушим настоящий контракт (συγγράφην) относительно селений, клеров, участков (χωρίων) и всех рабов, пусть они останутся собственностью Артемиды». «Если же селения, клеры или что-либо другое из заложенного царь заберет у Артемиды из-за Мнесимаха, то основную сумму золотом, полученную под залог, тысячу триста двадцать пять золотых, я, Мнесимах, и мои потомки немедленно отдадим храму Артемиды».

Ростовцев в «Studien» ссылается еще на надпись из Зелен, впервые опубликованную У. Келером [«Ath. Mitt.», IX, 1884, стр. 58 сл.]. Здесь в числе прочих даров город дает некоему Клеандру λαῶν αὐτοικον. Вряд ли, однако, эта надпись имеет отношение к разбираемому вопросу. Надпись содержит шесть декретов о даровании гражданства и ряда привилегий и о распродаже конфискованной у изгнанников земли. По некоторым данным, эти постановления (как и SIG², 154) изданы в связи с тем, что город был освобожден Александром Македонским от тирана и для его реорганизации надо было привлечь новых граждан. Декреты сформулированы в более или менее одинаковых выражениях. Так, в пункте 4 говорится: [τῷ δαίνι] εὐαργέτη γενομένῳ τῆς πόλεως δοῦναι [πολιτεία]ν, κλήρον ἐν τῷ πεδίῳ, οἰκίην, κῆπο[ν] καὶ [α] [ω]ν διηχοσίων ἀμφορέων, ἀτέλειαν ἀπὸ [ἐγ]γαίων τέλων, προεδρίαν αὐτῷ καὶ ἐκγόνοις. Независимо от различия в представленных новым гражданам дарах, всем им дается πολιτεία. В этом весь смысл декретов—привлечь новых граждан. Между тем в пункте 5 читается: Κλεάνδρῳ... οὐ... εὐαργέτη γενομένῳ τῆς πόλεως... ἡμικλήριον δασσείης κт... ω... δίω, οἰκίην κῆπον κείαμων ἀμφορέων ἕκατον [стр. 6 в маюскульной транскрипции] ΔΕΩΝΑΥΤΟΙΚΟΝΤΕΛΕΙΑΝΑΓΟΡΑΟΙΤΕΛΕΩΝ καὶ προεδρίαν αὐτῷ καὶ ἐκγόνοις καὶ στέφανον χρύσειον. Таким образом, здесь отсутствует дарование πολιτεία, вместо которой имеется загадочное λαῶν αὐτοικον; в строке есть еще ряд других искажений: вместо ожидаемого (согласно пункту 4) ἀτέλειαν ἀπὸ ἐγγαίων τέλων явно испорченное τελεῖανχοραωιτελεωων. Повидимому, именно по этим соображениям издатель надписи, имевший в своем распоряжении копию, сделанную неспециалистом—греком Лимниосом, в своей минускульной транскрипции передал 6 строку в пункте 5 так: [πολιτείαν καὶ ἀ]τέλειαν ἀ[π]ὸ [ἐ]γ[γ]α[ί]ω[ν] τέλων. При

¹ Размер земельной площади в надписях обычно определяется количеством зерна, необходимого для его засева.

переиздании надписи в SGDI (№ 5533) издатели следовали копии Мордмана и передают 6 строку так: *λεὼν αὐταῖον ἀτέλειαν ἀγοράων τέλειων*], но замечают: ohne Beispiel, и предполагают, ссылаясь на Гокатей, что, может быть, Клеандру подарили раба с домом. Как бы то ни было, надпись из Зелей остается неясной. Но независимо от того или иного чтения надписи нельзя предположить, чтобы греческий полис Зелей выступал в роли «феодала». Из другой надписи, относящейся к тому же времени (SIG², 154), известно, что часть городской земли принадлежала фригийцам, платившим *φέρος*; для урегулирования земельных отношений после изгнания тирана избирается комиссия из 9 граждан: *ἀνευρετὰς τῶν χωρίων τῶν δημοσίων ἕσθ μὴ οἱ Φρύγες ἔχοντες φέρον ἐτέλειον*. О крепостных земледельцах, которых можно было бы дарить вместе с домом, здесь не может быть и речи.

Иначе обстоит дело с надписями, относящимися к Лаодике и Мнесимаху.

Хотя эти документы единичны и не касаются основной массы сельского населения Малой Азии, они кажутся настолько выразительными, что на этом основании в буржуазной литературе «крепостничество» и «феодализм» в эллинистической Малой Азии почти не вызывают сомнений. В самом деле, вместе с землей продают и крестьян (надпись Антиоха), которые платят оброк и обязаны барщиной (*φέρος λητωρῆγικὸς* в надписи Мнесимаха). Все это, однако, получает другой вид, если, во-первых, принять во внимание все обстоятельства дела и, во-вторых, рассмотреть рисуемое в этих надписях положение вещей не статически, а в движении, выяснить, откуда эти явления возникли и куда вели.

Действительно ли продаются *λαοὶ* вместе с землей? Каково правовое их положение? Каковы их права на землю, которую они обрабатывают?

В надписи Лаодики в акт продажи включаются и крестьяне, но они принадлежат не царю, а селениям: *ταὺς ὑπάρχοντας αὐτοῖς λαούς*. В донесении гипарха о передаче земельного владения управляющему Лаодики перечисляются *ἡ τε χώρα καὶ ἡ βάρικα καὶ ἡ προσοῦσα χώρα*, но не *λαοὶ* и их имущество.

В надписи Мнесимаха *λαοὶ* в составе имения не упоминаются; о них говорится лишь при перечислении доходов с земли; в той части надписи, где речь идет о санкциях в случае нарушения Мнесимахом договора, названы только «селения, клеры, участки (*χωρία*) и рабы». В относящейся к тому же периоду (около 275 г.) надписи Антиоха I о дарении земли Аристоклиду *λαοὶ* названы лишь случайно: «царские же *λαοὶ* того района, где расположена Петра, если пожелают ради безопасности жить в Петре, мы предписали Аристоклиду позволить им жить там» (Welles, № 11, стр. 22—25). Наконец, что важнее всего, и Антиох I при дарении Аристоклиду и Антиох II при продаже Лаодике предусматривают, что новые владельцы земли приписывают ее к территории одного из ближайших полисов, и в виде привилегии предоставляют им самим выбрать себе полис. Но приписка земли к полису означает переход земли, ее владельцев и трудящихся на ней в новый статус, существующий в греческих полисах. Тем самым «продажа» крестьян не могла быть принята сторонами всерьез. Что это было не формальным только присоединением к полису, видно из надписи Мелеагра, стратега геллеспонтской сатрапии, которому адресовано предписание Антиоха I о дарении земли Аристоклиду; из нее ясно, что приписка бывшей царской земли к полису представляла для последнего большой материальный интерес. Мелеагр пишет городу Илиону, что многие города заискивали перед Аристоклидом, чтобы он присоединил свою землю к ним. Аристоклид остановил свой выбор на Илионе. Мелеагр рекомендует илионцам вынести решение о предоставлении Аристоклиду привилегий (*φιλάνθρωπα*) и закрепить условия приписки (Welles, № 13).

Аналогичный случай имеется в надписи в честь Лариха, относящейся ко времени Антиоха I или его отца (OGIS, I, 215). Лариху, помимо личных привилегий, постановлено предоставить ἀτέλεια καὶ τῶ[γ] κτηνῶν καὶ τῶν σωματίων ὅσα ἂν ὑπάρχηι ἐν τα τοῖς ἰδίοις κτήμασι[ι] καὶ ἐν τῇ πέλει (свободу от обложения скота и рабов как в его собственных владениях, так и в городе).

Включение царской земли в состав территории полиса не влекло за собой, вероятно, во всех случаях немедленного радикального изменения положения крестьян. Но в дальнейшем оно было неизбежно; при этом часть земледельцев, оставаясь в своих κῶμαι, обязаны были платить φόρος городу за свою землю, как это делали фригийцы в Зелее (SIG², 154); поселившиеся в городе назывались πόριοι—термин, часто встречающийся в надписях¹. Πόριοι занимали положение, напоминающее метэков, но могли со временем приобретать право гражданства.

Территорий, присоединенных к городам, было относительно немного. Но в отношении царских земледельцев нет данных о том, чтобы они при Селевкидах были политически бесправны. Напротив, они имели свои организации и народные собрания, выносили декреты или участвовали в вынесении декретов от имени полиса, к которому они тяготели. Они были привязаны к своей ἰδίᾳ; однако из надписи Антиоха II видно, что крестьяне распахали и присвоили прилегающую к их селению землю, где проходила дорога, что часть крестьян переселилась в другое место. В распоряжении Антиоха I о даровании земли Аристоклиду говорится о λαοί, проживающих вне своей ἰδίᾳ, в Петре. Λαοί были связаны с землей потому, что только в своей ἰδίᾳ, которая является пережитком древней общины, они могут владеть землей; точно так же в античных полисах право собственности на землю обусловлено принадлежностью к гражданской общине. А в некоторых случаях еще в эллинистическое время существовала даже общинная земельная собственность. В частности, М. Ростовцев («Studien», стр. 262) цитирует надпись из Филадельфии, где народное собрание κῶμη принимает решение разделить τὸν ὑπάρχοντα αὐτοῖς ἀγρόν—принадлежащее им сообща поле.

При таких условиях очевидно, что в надписи Лаодики имеется в виду не продажа крестьян, а передача Лаодике права на те доходы, которые до сих пор с царской земли поступали в казну. Это необходимо было оговорить потому, что в других случаях земля, полученная в дар или купленная у царя, продолжала оставаться все же царской. За землю, полученную от Антигона Мнесимахом, как мы это видели, вносится φόρος и за κῶμαι и за клеры, причем, судя по точному выражению надписи—φόρος τῶν κωμῶν (ст. 1, стр. 5), φόρος вносили сами селения, продолжавшие оставаться в непосредственном подчинении царю.

В условиях восточной деспотии положение масс народа представлялось для греков, конечно, рабским. Но крестьяне не были ни рабами, ни крепостными. Λαοί следует переводить «мужики», «люди», «люди», как именуются непосредственные производители на земле у многих народов; этот термин соответствует ʿmh'rš (am haarez) у древних евреев. Этот термин стал унижительным позднее, тогда как в древности он не имел такого оттенка; в латинских надписях III в. н. э. в дунайских провинциях фигурируют lai consistentes; выходцы из Азии продолжают на новой родине именовать себя λαοί (lai)². Малоазиатские λαοί не были крепостными, как и египетские γεωργοὶ βασιλικοί. Даже ὑποτελεῖς, работавшие в цар-

¹ См., в частности, Welles, стр. 353.

² Е. М. Штаерман, К вопросу о dediticii в эдикте Каракаллы, ВДИ, 1946, № 2, стр. 85.

ских монополиях в Египте, не имевшие права самостоятельно распорядиться ни своим трудом, ни своими орудиями и средствами производства, отнюдь не были крепостными, как их решительно определил М. Ростовцев («*Studien*», стр. 66). Конечно, работавшие на монополию, да еще при деспотическом режиме, были до предела ограничены в правах. Но они не только владеют средствами и орудиями производства, они работают на договорных началах, пусть в большинстве случаев принудительных, получают заработную плату и участвуют в доходах. Как сообщает К. Прео, М. Ростовцев ей заявил, что он теперь отказался от мнения, будто работники масляной монополии в Египте были крепостными¹.

Из надписи Мнесимаха видно, в чем заключались доходы с земли; это—*φόρος ἀργυρικός καὶ λητουργικός*—взносы деньгами и работой. Если отнести туда же *ἀγγεῖα οἰνηρά* (конструкция фразы неясна), то были и натуральные поступления. В царских владениях, эксплуатировавшихся непосредственно казной, натуральный φόρος играл большую роль. В очень интересной надписи (306—302 гг.) Антигона о синоиклизме Теоса и Лебедоса (SIG³, 344; Welles, 3) царь пишет (§ 10, стр. 72—94), что послы Лебедоса просят разрешить выдать из казны желающему под залог 1400 золотых статеров на закупку хлеба для переселенцев на первый год. Антигон сначала не хотел разрешать этой операции, так как «в близости находится податная земля (*φορολογουμένης χώρας*), так что если появится нужда в хлебе, отсюда, мы думаем, можно без труда доставить, сколько угодно».

Во втором столбце надписи, где перечисляются гарантии, какие дает Мнесимах храму по всем статьям, φόρος земледельцев не назван, и ни характер, ни объем его неизвестны. Можно не сомневаться, что φόρος λητουργικός это «работа на дом царя», общественные работы, сохранившиеся в наиболее чистом виде в Египте. Здесь они получили характер обязательной трудовой повинности, которая могла быть заменена денежным взносом; λητουργικόν (а также χωματικόν) засвидетельствован в Египте². Вероятнее всего, φόρος λητουργικός означал выполнение крестьянами тех трудовых повинностей, которые возлагались на принадлежавшую Мнесимаху землю и, следовательно, тем самым на самого Мнесимаха. Эллинистические цари переняли от своих восточных предшественников право взимать с населения дань натурой и деньгами и привлекать его к общественным работам. В письме Деметрия к Ионатану Маккавею, которое приводится у Флавия Иосифа (Ant., XII, 2, 3; ср. I Макк., 10, 30; 11, 34), перечисляется ряд налогов и повинностей, которые Деметрий обещает снять с иудеев: третью часть злаков, половину древесных плодов, подушную подать; царь обещает также освободить иудеев от принудительных работ в субботние и праздничные дни и в три дня, предшествующие празднику. Отсюда, конечно, никто не делает вывода о том, что иудеи были крепостными или что Иудея при Хасмонеях была страной феодальной.

¹ С. R é a u x, *L'économie royale des Lagides*, Brux., 1939, стр. 79. Сама Прео подчеркивает, что «царские земледельцы не привязаны к земле и их положение имеет далеко не такой законченный и роковой характер, как обычно воображают» (стр. 438). Но, будучи совершенно чужда теории социально-экономических формаций, Прео формулирует эволюцию от древневосточного к эллинистическому обществу как переход «от феодального права к индивидуалистическому» («*droit individualiste*», стр. 461). Гораздо ближе к истине Э. Бикерман, который на основе анализа материала приходит к правильному выводу, что на территории Малой Азии, подчиненной непосредственно царю, не было частной собственности на землю, не было, очевидно, и феодальной собственности («*Institutions des Seleucides*», P., 1938, стр. 185). И все же Бикерман не решается отказаться от взгляда на λος как на крепостных (стр. 178), так как он исходит из ложной предпосылки о феодализме при Хаммураби, в Птолемеевском Египте (стр. 88) и в Ахеменидской Персии.

² Н. W i l c k e n, *Ostraka*, I, стр. 382; А. Ch. J o h n s o n, *Roman Egypt*, стр. 567, 580.

Никто не может отрицать, что *λαοί* или *γεωργοί βασιλικοί* были лично свободны, что в эллинистической Малой Азии не было феодальной земельной собственности и не существовало самодовлеющих феодальных поместий. Основной хозяйственной единицей даже в крупных владениях остается деревня или село, *κώμη*; Мнесимах все время говорит о *κώμη*, *κλήροι*, *χωρία*; надпись Лаодики—о *κώμη* и *τόποι*, надпись Антиоха относительно Аристодикида—о *χωρίον*. М. Ростовец как раз подчеркивает, что в основном территории Малой Азии состояла из туземных *villages*¹. Они платили за землю ренту-налог натурой в виде десятины или по другой какой-либо твердой ставке (*ἐκφόριον*). Крупные земельные владения принадлежали храмам, но это были исконные владения, восходящие еще к тому времени, когда сельская община группировалась вокруг своего святилища. Они дольше всех остальных противились духу времени и удержались во многих случаях и в римское время.

Таким образом, даже если не касаться того факта, что рабовладение в эллинистических государствах и на древнем Востоке было ведущим способом производства, и оставаться только на почве аграрных отношений, приведенные документы не дают основания говорить об элементах крепостничества или феодализма в эллинистической Малой Азии. Только неправильная презумпция побуждает некоторых исследователей с необычайной легкостью расширять круг феодальных понятий, которые они применяют к эллинистической Малой Азии. Так, Welles склонен понимать в некоторых случаях глагол *ἔχω* как «держание» (10,4—5: *ἦν πρίτερον εἶχεν Μελέαγρος*—which formerly Meleagros held), хотя он сам в аналогичном случае переводит *ἦν πρίτερον ἔσχεν Δημήτριος*—formerly the property of Demetrios (70,6—7). Что *ἔχω* не имело значения «держания», показывает хотя бы текст надписи Лаодики: лица, которые купят землю у Лаодики, *ἔξουσι κριῶς*—«будут владеть ею неограниченно». Еще более поразительный случай—в «Recueil des inscriptions juridiques grecques»², где речь идет о каре, грозящей судье за нарушение декрета: *ἀτιμὸν εἶμεν καὶ χρέματα πᾶσιτοφραχέισται, τὸ μέρος μετὰ Βοισιχτᾶν*: «он будет лишен прав, и имущество его конфискуется, его удел с рабами»; издатели, хотя и приводят ссылку на Гезихия, поясняющего, что *εἰκητήης*—*ὠνητὸς δούλος*, переводят, однако, «serfs».

Те два документа, на которых строится теория феодализма в эллинистической Малой Азии, подтверждают иное: на Востоке не было собственности на землю, а лишь владение ею. Самыми прочными владельцами были, с одной стороны, *λαοί*, но не лично, а лишь поскольку они принадлежали к существовавшим некогда общинам, ныне превратившимся в большинстве случаев лишь в организационную связанность крестьян со своей *ἰδία*. С другой стороны, верховным владельцем земли был царь, но именно как носитель царской власти, а не лично. Этим объясняется, что Антиох, продавая землю Лаодике, приказывает, кроме регистрации сделки, вырезать ее текст на пяти каменных стелах и установить их в наиболее чтимых святилищах: это должно служить дополнительной гарантией права Лаодики на владение землей. Как видно из земельного спора между Митиленой и Питаной (OGIS, 335, стр. 133 сл., 140 сл.), акт продажи Антиохом I земли городу Питане впоследствии был подтвержден Эвменом. Мнесимах, как мы видели, предусматривает такой случай, что царь может отнять его землю. Только с македонским завоеванием появляется на Востоке античная земельная собственность, ранее существовавшая здесь только в старых греческих полисах.

¹ M. R o s t o v z e f f, Soc. and Ec. Hist. of the Hell. World, I, стр. 503.

² «Rec. des inscr. jur. grecq.», fasc. II, № XI, face B, стр. 18—20.

Эллинизация Востока привела к изменению аграрных отношений— объективно в интересах роста рабовладельческой системы. Застав на востоке непривычную для эллинов форму земельных отношений, эллинистические цари прежде всего стремились использовать это положение вещей в интересах своей казны, применяя при этом также свое право победителей и завоевателей. Однако переход к античным формам земельной собственности требовался всем ходом экономического развития, означавшего на Востоке переход от примитивных форм рабства к рабовладельческой системе, целью которой является производство прибавочной стоимости. Эта объективная потребность побуждала Александра, диахов и Селевкидов строить новые греческие города, превращать в полисы города старые, приписывать к полисам значительные территории царской земли. Несмотря на необходимость сохранять добрые отношения с могущественным жречеством, о чем говорят многочисленные документы из Азии и Египта о всевозможных привилегиях храмам, Селевкиды и Лагиды по возможности ограничивают храмовое землевладение, хотя иногда, в трудную минуту, приходится вновь даровать землю храму (например, храму в Бэтокэке, Welles, № 70). В Египте только Август завершил этот процесс, конфисковав храмовые земли и переведя жрецов на жалование (σύνταξις).

Именно этот переход от восточных аграрных отношений к античным (а не, как думает М. Ростовцев, освобождение крестьян от крепостной зависимости) характерен для селевкидской Малой Азии и, особенно, для Пергамского царства, где наблюдается расцвет рабовладельческих отношений.

Характер этого процесса случайно, но очень удачно, сформулирован в одной надписи римского времени из Поглы в Ликии. Здесь прославляется Публий Целий Лукиан, который «в годы общинного строя (κοινονίης) решал местные судебные дела» и «давал раздачи в годы гражданственности πολιτείης» (IGRR, III, 403). Поскольку здесь идет речь о пережитках прошлого, то с полным правом можно сделать отсюда заключение к прошлому. Переход от κοινονίης к πολιτείης, от восточного к античному типу рабовладельческого общества— вот в чем заключается основная линия исторического развития аграрных отношений на эллинистическом Востоке.

